

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

К19

Серия «Любовь и другие хэппи-энды»

Melanie Cantor
DEATH AND OTHER HAPPY ENDINGS

Перевод с английского *Е. Вох*

Художественное оформление *В. Лебедевой*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Curtis Brown UK
и The Van Lear Agency.

Кантор, Мелани.

К19 Смерть и прочие хэппи-энды : [роман] / Мелани Кантор ; [перевод с английского Е. Вох]. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 384 с. — (Любовь и другие хэппи-энды).

ISBN 978-5-17-116637-3

Дженнифер Коул думает, что жить ей, скорее всего, осталось не больше трех месяцев. Ведь так сказал ее семейный доктор, а он никогда не ошибается.

Всего 90 коротких дней на то, чтобы попрощаться с миром и близкими, привести в порядок дела, попытаться подвести итоги. Сказать то, о чем молчала раньше...

В попытке наконец высказаться Дженнифер пишет три письма. Три послания людям, которые сделали ей больно: самоуверенной эгоистичной сестре, слабохарактерному, неверному бывшему мужу и очаровательному, но легкомысленному мужчине, которого Дженнифер когда-то очень любила.

Поначалу она чувствует облегчение. Но — вот сюрприз! — оказывается, раз начав говорить правду, трудно остановиться. А правда имеет свойство приводить иногда к весьма необычным последствиям...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Melanie Cantor, 2019

ISBN 978-5-17-116637-3 © Издание на русском языке AST Publishers, 2020

*Посвящаю моим маме и папе,
Дорин и Эдди,
приглядывающим за мной с облаков,
и моим сыновьям,
Александру и Джозефу,
счастливым продолжениям меня.*

Кто-то скажет нам, что с момента нашего рождения мы начинаем двигаться к смерти. Поэтому мы должны жить в полную силу каждую минуту каждого дня. Сделайте же это — так я скажу. Что бы вы ни хотели, сделайте это сейчас! А иначе останется слишком много на «завтра».

(Слова, приписываемые папе Павлу VI)

Часть 1

Как всё начиналось

В мире есть люди, с которыми случаются разные штуки. Я не из их числа. Я веду размеренную жизнь, делаю обыкновенные вещи. Не сказать, что моя жизнь скучна, но это и не жизнь, полная историй из разряда «вы-не-поверите-что-со-мной произошло!». По крайней мере, так было до сих пор. До того, как все случилось. А это реально случилось...

— Вы сейчас с кем-нибудь встречаетесь, Дженнифер? Я виновато улыбаюсь:

— Нет, я все еще одинока. — Я ерзаю в кресле. Ненавижу подобные вопросы. — Я иногда хожу на свидания, доктор Маккензи, но я не особо в ладах со всеми этими интернетными штучками, сайтами знакомств... — Бросив взгляд на его лицо, я неловко хихикаю: — Вы ведь не это имели в виду, да?

— Не это, — отвечает он, почесывая подбородок. — Здесь сегодня вы с кем-то?

Меня это слегка сбивает с толку. На секунду кажется, будто он собирается сообщить, что у меня ЗППП, что по крайней мере объяснило бы мой страх перед общественными туалетами.

— Зачем? — спрашиваю я. — А должна бы?

— Вам не помешала бы поддержка. Я просил секретаря передать вам это.

Кажется, секретарь говорила что-то такое. Я еще подумала, что у нее не все дома.

Доктор снимает очки со стальной оправой и потирает ладонями глаза.

— Мне очень жаль, Дженнифер. У меня плохие новости. У вас редкое заболевание крови.

У доктора мрачное лицо. Я никогда прежде не видела у него такого выражения.

В моих ушах стучит. Кажется, комната вокруг начала пульсировать.

Я пытаюсь сосредоточиться на лице доктора, на том, как он щиплет свою переносицу, испещренную венами кожу. Он искоса смотрит на меня, будто проверяя мою реакцию, а потом произносит какое-то непонятное название.

Я успеваю уловить только окончание — «...озис».

— Что это значит?

Вспоминается урок биологии, длинная и сложная лекция про тромбоциты и борьбу белых кровяных телец с красными тельцами. Я никогда не была особенно сильна в этой теме, а уж тем более теперь, когда целый мир пульсирует вокруг меня.

— Звучит как-то недружелюбно, — говорю я.

— Да, — бормочет доктор, — очень недружественно и агрессивно. — Он крутит в руках бумаги, выстукивая ими по столу какой-то мотив. Потом откашливается и добавляет: — И неизлечимо.

Я не уверена, что правильно его расслышала.

— Я не совсем понимаю...

— Я тщательно изучил этот вопрос, Дженнифер. Это редкое заболевание, большинство гематологов в нашей стране не встречают его за всю свою карьеру. Боюсь, что нет такого лечения, как, скажем, химиотерапия. Это

ведь требует времени. — Его челюсть дергается влево, а затем возвращается назад, словно подвешена на резинке. — А я не уверен, что оно у вас есть. — Он кашляет. — В лучшем случае три месяца.

Повисает тишина. Он реально только что это сказал?

Нет, наверно, это ошибка, недоразумение. Или какое-то мошенничество, как бывает в заведениях с сомнительной репутацией, когда тебе нороят записать в счет лишнюю бутылку вина, надеясь, что ты ничего не заметишь.

В моих ушах стоит звон. Я стараюсь игнорировать желчь, подступающую к горлу, но у меня не получается.

— Доктор Маккензи, — выдавливаю я из себя, — боюсь, меня сейчас вырвет...

Он бросает на меня панический взгляд, а потом неловким движением пожилого человека лезет под стол, задев его локтем:

— Ох!

Мне кажется, что я чувствую его боль от ушиба.

Выпрямившись, доктор протягивает серое металлическое мусорное ведро, я беру его и устремляю взор внутрь.

Он деликатно ждет.

Я всем существом сосредотачиваюсь на ведре. Среди скомканных бумажных шариков лежит выброшенная обертка от «Сникерса». Меня тошнит, а затем рвет. В голове будто стучат барабаны. Доктор Маккензи протягивает мне несколько салфеток и стакан воды, стоявший на столе.

— Не торопитесь, — говорит он.

Обычная фраза для человека, у которого впереди полно времени. Но у меня его теперь нет.

Я отпиваю немного воды, пытаюсь уложить в голове услышанное.

— Так вы не думаете, что стоит начинать лечение?

— Я навел некоторые справки по этому поводу, Дженнифер, но не хочу вызывать у вас ложных надежд. И должен предупредить — это лечение чисто паллиативное. — Его голос парил в едком воздухе, обрывками оседая в моем сознании. «Даже если... Это может только...» Эти слова грохочут в моих ушах. Я не хочу их слушать.

Стены его кабинета давят на меня, серые и мрачные, лишённые индивидуальности. Как и он сам.

Он был моим врачом на протяжении тридцати лет — моим семейным доктором, — а я знаю о нем не больше, чем об этих серых стенах.

Ну, вероятно, он жуёт «Сникерсы» на обед.

В кабинете нет ни одного семейного фото или снимка домашнего питомца, или хотя бы анатомической схемы.

Не висит даже ни одного из тех ужасных постеров, призывающих вас бросить курить, — не то чтобы я сама курила, но все же было бы мило с его стороны повесить на стену что-нибудь отвлекающее внимание.

Я не знаю, что сказать. А сам доктор, кажется, заканчивает. Его голос не внушает энтузиазма.

— Я просто пытаюсь быть честным с вами, Дженнифер, — произносит он, водружая очки обратно на нос. — Вы должны знать прогноз. Вам нужно быть готовой.

К чему, доктор?

— Спасибо, — говорю я.

Доктор Маккензи встает и открывает окно.

Я тарашусь на бледный виниловый пол, вращаясь в поворотном кресле туда-сюда. Тут я осознаю, что все еще сжимаю мусорное ведро, и ставлю его на пол, подальше от своего носа.

— Но, доктор Маккензи, вы уверены? Я имею в виду, я чувствую просто... усталость. Не боль, просто усталость. И, может, я стала немного одутловатой. Вы уве-

рены, что это не какое-нибудь ОРВИ, или ОРЗ, или что-то в этом роде?

Звучит так, будто я прошу поменять мне диагноз на одну из этих аббревиатур. Ну да, прошу! Что-нибудь вместо этого проклятого «озиса».

— Результат вашего анализа крови у меня здесь, Дженнифер, — произносит доктор, держа в руках стопку бумаг, как улики обвинения. — Мне бы очень хотелось сказать вам что-то другое, но боюсь, это не соответствовало бы истине.

Ну вот, просьба отклонена. Он устало вздыхает, а затем озвучивает приговор:

— Мне правда очень жаль. Мне бы хотелось, чтобы вы пришли раньше.

Я мысленно охаю.

Мне сорок три года, и мне только что сказали, что я не доживу до сорока четырех, потому что пропустила все сроки. Мне хочется плакать.

Нет!

Я не стану плакать.

Я не могу. Меня так учили. Я работаю в отделе кадров и должна скрывать свои эмоции. Кроме того, эта сцена явно тяжела для доктора. Нет нужды делать ее еще тяжелее.

— Мне тоже жаль, — откликаюсь я.

Доктор передает пачку брошюр через стол, как крупье фишки.

— Это может вам пригодиться, — мягко говорит он.

Я сухо улыбаюсь и небрежно смахиваю их в сумочку (честно говоря, я предпочла бы бросить их в мусорное ведро), глядя, как он выписывает рецепт.

— У фармацевта за углом все есть. Это должно помочь вам пока.

— Пока, — повторяю я, поняв зловещий смысл этого слова.

Я изучаю прыгающие каракули, надеясь на неожиданную удачу: валиум, или кодеин, или знакомый препарат из прежней маминой аптечки, ее ценной коллекции всего, что только могло понадобиться (особенно ей). Ничего знакомого.

— От чего они?

— Они помогают от усталости. И от боли.

Я гляжу на врача с любопытством и оттенком вежливого сомнения.

— Но...

Его губы вздрагивают.

Я понимаю, что это означает: *читай инструкции*.

Он откашливается и поднимается с места с резкой решимостью.

— Нам с вами нужно будет скоро снова встретиться. Юнис в приемной выберет вам какую-нибудь свободную дату, так что, пожалуйста, поговорите с ней на выходе. И не забудьте взять рецепт, дорогая.

Он назвал меня «дорогая». Он никогда раньше не называл меня «дорогая»! Я определенно скоро умру.

Доктор обходит вокруг своего стола и провожает меня до двери, что очень мило с его стороны, поскольку обычно я провожаю себя сама, а затем по-отечески хлопает по плечу.

— Извините за ведро, доктор, — напоследок говорю я.

Отсчет пошел: 90 дней

«Юнис в приемной выберет вам какую-нибудь свободную дату» — только этих дат мне и остается теперь ожидать.

Я обхожу стороной стойку регистрации — в любом случае я не знаю, кто из этих женщин Юнис, — и я просто не смогла бы подойти к ней сейчас.

Я прихожу домой. Наверно, прихожу. Я уже дома.

Это как проснуться с похмелья и обнаружить, что даже в сильном подпитии ты сумела добраться до своей квартиры и выполнить все обычные повседневные действия: положить ключи от входной двери в нужное место, смыть макияж, поставить телефон на зарядку.

Но вот только ты не помнишь ничего из перечисленного.

Вот на что был похож мой путь домой.

Я даже не помню, как заходила в аптеку, однако бумажный бело-зеленый пакет на моей кухонной столешнице подсказывает, что я это сделала. Там же стоит маленькая бутылка виски. Обычно я не пью виски, однако в помутнении разума вполне могла решить, что сейчас это то, что нужно.

Удивительно, какие рациональные решения можно принимать в совершенно иррациональном состоянии.

Теперь я сижу с чашкой чая в руках и пытаюсь восстановить в памяти вчерашний вечер. И никак не могу это сделать.

Может, в последние месяцы у меня развился лунатизм?

Меня начинает слегка трясти. От чего, интересно? Из-за паразита в моем теле, который сожрал все мои надежды на будущее, потому что я заметила его слишком поздно? Потому что я не относилась к своей усталости всерьез...

Что же мне теперь делать? Сидеть и ждать?

Где сейчас моя мама, когда я так нуждаюсь в ней?!

Я все еще не могу заплакать.

Наверно, это странно, что не могу. Просто я чувствую — не сейчас.

Возможно, мои слезные протоки до сих пор отказываются во все это верить?